

Следующим утром, еще до девяти, я села в свою карету и приказала отвезти меня в штаб командования крепостью. Крутой подъем казался бесконечным: я приказала Джакомо хлестать лошадей. Пестрая толпа военных, раненые, простолюдины из местных, наводнили небольшую площадь перед крепостью; но я без препятствий добралась до приемной, где вручила старому инвалиду мою визитную карточку. Через несколько минут он вернулся и сказал, что генерал Хауптман просит меня пройти в его личные покои, куда он, как только завершит наиболее срочные дела, придет засвидетельствовать мне свое почтение.

Меня провели по галереям, коридорам и террасам, и я оказалась в просторной комнате, из огромных окон которой был виден весь город. Река Адидже, пересекаемая мостами, закручивалась буквой S, упираясь первой своей выпуклостью в склон небольшого холма, где высится Капель Сан Пьетро, а второй – в подножие другого замка, темного, с зубчатыми стенами; за домами поднимались вершины и башни старых базилик; и на широком пространстве виднелся огромный овал античной Арены. Утреннее солнце оживляло селения и холмы и, с одной стороны, золотило горы, с другой – бросало на бесконечную зеленую равнину тихий отсвет, что терялся в белых деревушках, среди домов, церквей, колоколен.

В комнату, громко смеясь и прыгая, вошли две девочки с розовыми лицами и волосами цвета соломы. Увидев меня, вначале смутились, но тут же осмелели и подошли. Старшая сказала:

– Синьора, присаживайтесь, пожалуйста. Хотите, я позову маму?

– Нет, девочка моя, я жду твоего папу.

– Папу мы сегодня еще не видели. Он очень занят.

– Мне так хочется увидеть папу, – воскликнула младшая. – Я его очень люблю.

Тут вошел генерал, и девочки побежали ему навстречу, они обнимали его и висли на нем; он поднял одну, поцеловал ее, потом поднял другую; обе

хохотали как сумасшедшие, и в глазах генерала блеснули счастливые слезы умиления. Он повернулся ко мне и сказал:

– Виноват, синьора; если у вас есть детки, вы меня простите. – Он сел напротив меня и добавил: – Мне известно имя синьора графа, я буду рад, если смогу чем-нибудь служить синьоре графине.

Я подала генералу знак, чтобы он отослал девочек, и он им сказал с нежностью: – Идите, доченьки мои, идите, нам с синьорой надо поговорить.

Девочки двинулись было ко мне, чтобы поцеловать меня; я повернула голову, уклоняясь; они, наконец, ушли, слегка огорченные.

– Генерал, – прошептала я, – хочу исполнить свой гражданский долг.

– Синьора графиня немка?

– Нет, я из Тренто.

– А, хорошо, – воскликнул он, глядя на меня удивленно и нетерпеливо.

– Читайте, – я решительным жестом подала ему письмо Ремиджо, то, что нашла в кармашке кошелька.

Генерал прочел.

– Не понимаю, это письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Итак, мужчина, писавший это, ваш возлюбленный.

Я не ответила. Генерал вынул из кармана сигару и зажег ее, он встал и принялся ходить туда-сюда по комнате; потом внезапно остановился напротив и, пристально глядя на меня, сказал:

– Итак, поторопитесь, я спешу.

– Письмо писал Ремиджо Руц, лейтенант третьего гренадерского полка.

– И что?

– В письме сказано ясно. Он притворился больным, заплатив четырем врачам, – и добавила с явным оттенком ненависти, – он дезертир с поля боя.

– Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. Вы мстите и добиваетесь его расстрела, и вместе с ним – расстрела врачей, верно?

– Мне нет дела до врачей.

Генерал немного постоял, раздумывая и хмурия брови, потом протянул мне письмо, которое я ему дала.

– Синьора, подумайте: донос – это подлость, а то, что вы затеяли, – убийство.

– Синьор генерал, – воскликнула я, подняв к нему лицо и надменно глядя на него, – исполните свой долг.

Около девяти вечера солдат принес в гостиницу Торре ди Лондра, где мне, наконец, дали комнату, записку, в которой было сказано:

«Завтра утром ровно в четыре тридцать во втором дворе Капель Сан Пьетро будут расстреляны лейтенант Ремиджо Руц и врач его полка. Эта записка позволит присутствовать при экзекуции. Нижеподписавшийся просит прощения у синьоры графини за то, что не может предложить ей присутствовать при расстреле двух других врачей, которые по несущественным в данном случае причинам переведены для прохождения службы в другой военный округ.

Генерал Хауптман.»

Темной ночью, в три тридцать, мы с Джакомо вышли из гостиницы. У подножия холма, на котором возвышался Капель Сан Пьетро, я приказала ему оставить меня и стала взбираться по крутой дороге; было жарко, я задыхалась; мне не хотелось снимать с лица вуаль, вместо этого я расстегнула верхние пуговицы платья и подвернула края выреза внутрь; моя грудь, овеваемая ветерком, задышала свободнее.

Звезды бледнели, вокруг разливался желтоватый свет. Я последовала за солдатами, которые, обогнув крепость, вошли в узкий двор, окруженный высокой мрачной оградой. Там уже были построены два отряда гренадеров, они стояли неподвижно. Никто в молчаливой толпе военных и в этом полумраке не обратил на меня внимания. Из долины слышался звон колоколов, множество самых разнообразных звуков доносилось снизу, из города. Скрипнула низкая дверь башни, из нее вышли двое мужчин со

связанными за спиной руками; один, худой, темноволосый, шагал вперед прямо, уверенно, с поднятой головой; другой, сопровождаемый по бокам двумя солдатами, которые с трудом поддерживали его под руки, едва волочил ноги, рыдая.

Не знаю, что потом произошло; думаю, читали приговор; потом я услышала залп и увидела, как молодой брюнет упал, и в то же время я заметила, что Ремиджо был обнажен до пояса, и эти руки, эти плечи, эта шея, все эти члены, которые я так любила, обманули меня. Мне вспомнился образ моего возлюбленного, когда в Венеции, в Сирене, смелый и радостный, он впервые обхватил меня своими стальными руками. Я вздрогнула, во второй раз услышав залп: на грудь, еще трепещущую и белую, как мрамор, бросилась белокурая женщина, на которую брызгали струйки крови.

Вид этой мерзкой женщины вновь пробудил во мне чувство презрения, а вместе с презрением – достоинство и силу. Я была уверена в своей правоте, и со спокойной совестью и чувством исполненного долга направилась к выходу.

На пороге калитки кто-то попытался сорвать с моего лица вуаль; я обернулась и увидела прямо перед собой грязную физиономию офицера Чеха. Он вынул из огромного рта свою трубку и, приблизив к моему лицу усы, плюнул мне на щеку...

*

Я же говорила, что молодой адвокат Джино вернется. Хватило одной строчки: вернитесь, помиримся, пусть все произойдет немедленно. Он бросил это чучело, свою невесту, за неделю до дня, на который была назначена свадьба; и время от времени повторяет, сжимая меня в объятиях почти так же сильно, как это делал лейтенант Ремиджо: – Ливия, ты ангел! –

КОНЕЦ